

положения ОРД с уголовно-процессуальной деятельностью, но и разграничить вопросы, которые можно обсуждать открыто, а также те, которые могут рассматриваться только с соблюдением требований о защите государственных секретов. Выделение научных, теоретических критериев разграничения названных сфер проблемы не решит, поскольку вряд ли здесь удастся добиться единомыслия. Вместе с тем хотелось бы обратить внимание, что проблема эта фактически уже разрешается, необходимо только активизировать и помочь логически оформиться процессу. Это процесс формирования оперативно-розыскного права как самостоятельной отрасли национального законодательства. На уровне закона сформирован основной понятийный аппарат, определены силы и средства, границы деятельности и ряд иных правовых дефиниций стратегического свойства. Не урегулированы только вопросы процессуальные – производства, оформления и использования полученных результатов. Очевидно, что назрела необходимость принятия Оперативно-розыскного кодекса Республики Беларусь. Сфера решаемых им вопросов – границы открытого, в том числе с участием широкой общественности, обсуждения. Все, что относится к ОРД, ее организации и тактике, должно защищаться ограничительными грифами, ибо в ином случае мы будем вести бой с собственной тенью, а не с реальным противником, который в этом случае будет всегда вооружен лучше правоохранителей. Пример Российской Федерации в этом случае более чем показателен.

Из двух рассмотренных положений достаточно ясно просматривается и отношение к замене словосочетания «оперативно-розыскная деятельность» единым термином «сыск». Мы и сегодня еще никак не можем создать единый для всех ведомств оперативно-розыскной понятийный аппарат, перейдем на сыскную терминологию – запутаемся окончательно. И если для органов внутренних дел это предложение можно объяснить хотя бы уважением к традициям, то для других шести оперативно-розыскных государственных органов это будет связано только с лишними и не очень понятными им хлопотами, в том числе в значительной степени материального порядка.

В завершение считаем необходимым подчеркнуть еще раз, что высказанные по поводу статьи И.И. Басецкого и В.Ч. Родевича суждения носят именно частный авторский характер. Предложения же уважаемых ученых носят столь глобальный и радикальный характер, что требуют серьезной научной дискуссии с участием всех заинтересованных ведомств и лиц.

Дата поступления в редакцию: 16.09.2011

С.В. Липень, кандидат юридических наук, доцент

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ М.Г. СМИРНОВА «СОЦИАЛЬНЫЕ ПРИТЯЗАНИЯ И СУБЪЕКТИВНОЕ ПРАВО»¹

Проблема социальных притязаний относится к числу малоисследованных в современной теории права. В соответствии с авторским определением социальное притязание можно определить как «требование, которое предъявляют индивиды, социальные группы, иные общности (социальные субъекты) к структурным элементам общества и государства об осуществлении практических действий, способствующих реализации собственных социальных интересов, а также их институционализации» (с. 13). Значительна роль социальных притязаний в механизме правового регулирования, поскольку они оказывают влияние на правотворчество, находя выражение в правовых нормах, на применение права, правовое поведение. Социально обусловленные притязания являются движущей силой деятельности людей, именно они способствуют возникновению и развитию субъективного права.

Автор справедливо отмечает, что «социальные притязания являются ближайшим подступом к праву как юридическому феномену, его ближайшей социальной основой», а необходимость исследования данных проблем «обусловлена смещением исследовательского интереса в отечественной юридической науке в сторону выявления природы права как специфического социального явления, изучения объективных процессов правообразования, поиска тех соци-

¹ Смирнов М.Г. Социальные притязания и субъективное право : монография. СПб. : Кн. мир, 2008.

альных интересов и притязаний, которые должны лежать в основе правовых решений» (с. 3). Одной из задач современной теории права является «учет психологических моментов, заинтересованности людей в своих делах и стремлениях, изучение движущих мотивов их поведения, в том числе в сфере правового регулирования, анализ сложного взаимодействия этих факторов» (с. 4).

Действительно, можно отметить, что рецензируемое монографическое исследование находится в русле новых, характерных для юридической науки постсоветского периода методологических традиций, в соответствии с которыми значительно большее внимание, чем ранее, обращается на социально-психологические аспекты функционирования правовой системы общества (проблемы социальной обусловленности законодательства, мотивация правоприменительных решений, правового поведения и т. д.).

В монографии исследованы понятие, структурные элементы, разновидности социальных притязаний в их взаимосвязи и взаимодействии с субъективным правом, его структурой. Отмечается, что субъективное право и социальное притязание представляют взаимосвязанные и взаимодействующие между собой явления. На субъективных правах «замыкается» закономерная для права цепь зависимостей, идущих от объективных потребностей данного общества к социальным притязаниям и от них (в условиях сложившихся юридических систем – через объективное право) – к юридической свободе поведения.

В качестве структурных элементов социального притязания рассматриваются субъекты, объекты и содержание (с. 14). Субъектами социальных притязаний могут быть индивиды, социальные группы и иные общности, стремящиеся выразить и отстаивать свои значимые интересы в отношениях с государством и структурными элементами общества. Объект социального притязания – то, на что направлены и по поводу чего складываются сами социальные притязания, это результат, которого желают достичь притязатели, выдвигая требования о реализации социальных интересов. Содержание социального притязания имеет две стороны: внутренняя сторона выражена в наличии социального интереса (внутренней активности, готовности субъектов к внешним действиям); внешнюю сторону образуют собственно внешние действия, которые предпринимают субъекты с целью реализации своих социальных интересов (с. 14–19). Обращая внимание на определение социального притязания (указано выше), можно вполне правомерно вести речь и о том, что одним из структурных элементов социального притязания являются «структурные элементы общества и государства», т. е. адресат, к которому обращены соответствующие требования. По нашему мнению, именно в рамках структуры социальных притязаний можно было бы вести речь о деятельности государства по реализации социальных притязаний в правотворческой и правоприменительной деятельности, тем более что такие рассуждения в монографии имеются.

Важным представляется раздел об институционализации социальных притязаний (с. 34–49), фактически при его расширении, при более активном оперировании соответствующей юридической терминологией («правотворчество», «правообразование» и т. д.), при более детальном рассмотрении особенностей институционализации социальных притязаний на различных уровнях правового регулирования (выражение в законах, подзаконных нормативных актах) можно было расширить общую концепцию монографии и вести речь о соотношении социальных притязаний не только с субъективным, но и объективным правом. Несомненный теоретический интерес представляет анализ критериев институционализации социальных притязаний, к которым относятся: 1) соответствие историческим традициям, культуре, социально-экономической и политической ситуации, ожиданиям населения; 2) относительная рациональность (сохранение целостности, интеграции общества, преодоление политического противостояния); 3) общезначимость отношений; 4) формальное равенство субъектов отношений; 5) «подверженность отношений, получающих отражение в норме права, внешнему контролю и прямая заинтересованность в них общества» (по нашему мнению, этот критерий мог бы быть сформулирован более четко, в более привычной теоретической терминологии); 6) соответствие моральным требованиям; 7) реальная исполнимость. Социальные притязания, соответствующие данным критериям, должны быть закреплены в нормах права и получить свою

дальнейшую реализацию в субъективных права или законных интересах. Однако, по замечанию автора, от степени развитости системы институционализации социальных притязаний в действующем законодательстве зависит степень его эффективности (с. 49).

Оправданным выглядит логическое построение монографического исследования – от сущности социальных притязаний к их институционализации в действующее законодательство и далее к воплощению в субъективном праве (главы «Социальные притязания и право», «Взаимодействие социальных притязаний и субъективного права»). Возможно, нужны более консолидированные выводы по окончании изложения материала в главах, монографии в целом.

В заключение следует отметить, что, вне всякого сомнения, рецензируемая монография, посвященная анализу относительно слабо изученной части правовой материи – социальных притязаний и их воплощению в субъективное право, заняла достойное место среди работ теоретического характера, посвященных социально-психологическим исследованиям юридической практики.

Дата поступления в редакцию: 12.10.2011